

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья

УДК 903.27

doi: 10.17223/19988613/80/22

Золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Николай Николаевич Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена интерпретации золотых изображений горных козлов, украшавших головные уборы населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Стилистически изображения горных козлов относятся к распространенной в восточной части ареала скифо-сибирского мира традиции декора наверший различных предметов обихода. Обшивка повседневного головного убора золотыми изделиями ситуативно придавала ему идеологический статус, связанный с предстоящим погребальным или иным обрядом. В данном контексте рассматриваемые золотые изображения горных козлов с головных уборов из Милованово-8, Обьездного-1 и Новотроицкого-2 могут считаться знаками высокого социального положения семей умерших.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, золотые изображения горных козлов, реконструкция, интерпретация

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 20-1-001753.

Для цитирования: Головченко Н.Н. Золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 190–200. doi: 10.17223/19988613/80/22

Original article

Golden images of mountain goats on the headdresses of population of Upper Ob region in Early Iron Age

Nikolai N. Golowchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the interpretation of Golden images of mountain goats from the burial monuments of the Upper Ob region population of the Early Iron Age. Stylistically, images of mountain goats belong to the tradition of decorating the tops of various household items, including headdresses, which is widespread in the Eastern part of the Scythian-Siberian world. Golden images of mountain goats from the burial monuments of the Upper Ob region differ somewhat from each other in the way of their external representation: images from Ob'ezdnoe-1 and Milovanovo-8 are profiled and flat, while images from Novotroitskoe-2 are volumetric and sculptural. The article offers options for reconstructing the spatial location of Golden images of mountain goats from the Ob'ezdnoe-1 and Novotroitskoe-2 burial grounds on headdresses of various styles. The semantic load of images of mountain goats is often considered by researchers as a marker of the sacred «tops». In this regard, one of the most developed interpretations is the associative identification of the headdress with the «world mountain», and the Golden images of mountain goats with animals in typical postures on its slopes (in profile) and on the top (in volume). However, such a mythological interpretation can be applied to describe the image of not only a mountain goat, but also, for example, a Griffin. After analyzing the range of possible semantic interpretations of the Golden images of mountain goats, the author comes to the conclusion about the phenomenon of situational sacralization of this image in the context of the funeral rite of the population of the bolsherechenskaya cultural and historical community. In favor of this interpretation, there are evidence: semantic load of gold as a metal associated with the idea of immortality; choosing the animal image itself; its use in the design of clothing

made from wool. Covering the everyday headdress with gold products situationally gave it an ideological status associated with the upcoming funeral or other rite. The funeral rite is characterized by publicity and makes special demands on the attributes present during its conduct. In this context, the golden images of mountain goats with headdresses from Milovanovo-8, Ob'ezdnoe-1 and Novotroitskoe-2 can be considered signs of high social status of the families of the deceased. The status of the clan had to be constantly confirmed by the presence in the subject complex of clothing of its representatives bearing an ideological load of symbols, necessary for decorating a noble nomad with things, among which were the headdresses with Golden images of mountain goats.

Keywords: Upper Ob River Region, the Early Iron Age, golden images of mountain goats, reconstruction, interpretation

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 20-1-001753.

For citation: Golowchenko, N.N. (2022) Golden images of mountain goats on the headdresses of population of Upper Ob region in Early Iron Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 190–200. doi: 10.17223/19988613/80/22

Яркими образцами звериного стиля в металлопластике эпохи раннего железа на территории Южной Сибири являются изображения горных козлов. В различных проявлениях данный образ отмечается на памятниках Северо-Западного и Центрального Алтая, степей Казахстана, Минусинской котловины, Тувы и Верхнего Приобья [1. С. 98, 127. Рис. 26, 3; 2. С. 81. Рис. 7, 2, С. 83. Рис. 9; 3. С. 103. Рис. 77, 8; 4. С. 138. Рис. 3.52; С. 164. Рис. 3.92; 5. С. 427. Табл. 77, 41; 6. Рис. 181]. Неслучайно Н.Л. Членова отмечала: «Чрезмерно многочисленны в искусстве скифского мира фигуры козлов с подогнутыми ногами. Они распространены повсеместно во многих разновидностях (Курдистан, Памир, Алтай, Минусинская котловина, Ордос)» [7. С. 125]. Не ставя перед собой задачи составления общей сводки подобных находок, отметим, что изображения горных козлов на разных носителях представлены: произведениями мелкой пластики [1. Табл. L, 15; 8. С. 120; 9. Фото 21; 10. С. 42, 46, 48, 52, 110; 11. С. 37. Рис. 21, 1, 2; 12. С. 211], наконечниками ножей [7. Табл. 24, 8, 9, 14, 15; 13. Рис. 27, 33; 14. Табл. 177, 2; 15. Рис. 6, 3], чеканов [7. Табл. 24, 11, 44, 38; 13. Рис. 17–25; 14. Табл. 54, 13, 67, 9, 87, 14, 115, 7], кинжалов [7. Табл. 28, 5; 13. Рис. 40], заколок [16. Рис. 58, 1; 17. С. 96–97], костыльком-кочедыком [18. Рис. 119], колоколовидными наконечниками [7. Табл. 24, 2, 3, 10; 13. Рис. 1, 3, 5, 7; 14. Табл. 45], украшениями алтаря [13. Рис. 11; 14. Табл. 54] и зеркал [7. Рис. 24, 6; 19. Рис. 84, 1], обойм от ремня кинжала [6. Рис. 78], конской узды [20. Табл. LI], распределителей шива колесницы [21. С. 271], сюжетным элементом нашивных бляшек одежды [12. С. 224–226], поясных пряжек [3. Рис. 116, 5, 8; 20. Табл. XVII, 1, 2, 5; 22. Рис. 55, 1], налущья [23. С. 70. Рис. 80], войлочного покрытия седла [20. Табл. CX; 24. С. 112. Рис. 3.5], композиции на конском головном уборе [20. Рис. 137; 21. С. 48], изображением на сосуде (которое впрочем, угадывается крайне смутно) [25. Рис. 19], компонентом синкретических образов на пазырыкских татуировках [20. Рис. 82, 181, 182].

Несмотря на довольно представительную выборку изделий, несущих на себе образ горного козла (включая случаи отражения принципа *pars pro toto*), среди исследователей наибольшее внимание получили их золотые изображения, украшавшие головные уборы. К ним относятся находки деревянных украшений с ко-

жаными вставками и позолотой из пазырыкских могильников [17. С. 110, 112. Табл. LXXIV; 24. С. 90. Рис. 2.60; 26. С. 158], изображения из золотой фольги в уюско-саглыньских памятниках Тувы [27. С. 382, Taf. 78, 4, 5, P. 397. Taf. 110, 6], «саков Казахстана» [12. С. 54; 21. С. 48; 23. Рис. 9, 63, С. 88. Табл. 5] и населения эпохи раннего железа Верхнего Приобья (Милованово-8 [1. С. 127], Новотроицкое-2 [3. С. 102], Обьездно-1 [28]).

Сохранившиеся фрагментарно в погребениях могильников Локоть-4а, Новотроицкое-1, -2 и Рогозиха-1 элементы аппликаций головных уборов в числе прочего представляют собой части (рога с годовыми наростами) изображений горных козлов, имеющие ряд аналогий в сибирской петроглифической традиции [29. С. 8, 10. Табл. XV; 30. Рис. 114; 31; 6. Рис. 119]. Подобный декоративный прием отмечен В.Д. Кубаревым и на пазырыкских головных уборах, для украшения которых применялся образ так называемых «рогатых лошадей» [17. С. 110–112], семантика синкретического фантастического образа которых была описана Д.В. Черемисиным [32].

Наиболее стилистически близкие находкам с Верхней Оби изображения горных козлов представлены на петроглифах Алтая. Обратимся, например, к монографически опубликованным изображениям Калбак-Таша. По данным В.Д. Кубарева, изображения горных козлов, баранов и архаров составляют самую многочисленную группу рисунков (872 единицы) [33. С. 18]. Декоративно-орнаментальные изображения данных животных эпохи палеометалла сведены исследователем в особое приложение [Там же. Прил. III. Рис. 1–11], рассмотрение которого позволяет установить определенное соответствие между находками из Новотроицкого-2, Обьездного-1 и Милованово-8 и петроглифами (Новотроицкое-2 [Там же. Рис. 5, 9; Рис. 6, 4, 15; Рис. 7, 6, 8, 18], Обьездное-1 [Там же. Рис. 5, 10, 15; Рис. 6, 7; Рис. 7, 15; Рис. 10, 7, 9], Милованово-8 [Там же. Рис. 5, 8, 15; Рис. 11, 4, 11]). Резюмируя выводы по данному сюжетному комплексу, В.Д. Кубарев отмечает, что некоторые исследователи древнего искусства склонны видеть в превращении ранее реалистичных изображений животных в схематические фигуры постепенное вырождение звериного стиля в отдельный декор, но, не отрицая этого явления в развитии прикладного искусства ранних кочевников, необходимо признать, что

система знаков, часто ассоциируемая с орнаментом, всегда несла смысловую нагрузку, развиваясь параллельно с реалистическими образами древних мифов [33. С. 20]. В этом отношении примечателен схематизм экстерьера отдельных фрагментов золотой фольги, трубочек и покрытых гофрированным листком заколок из погребальных памятников Верхнего Приобья рельефом, напоминающим собой волну, сходную с изображениями годовых наростов рогов горных козлов, в том числе отраженных и на петроглифах Алтая.

Учитывая растражированность, широкий хронологический и географический ареал распространения одного образа, поливариативность его представления в объектах материального мира, перед исследователями встает задача его интерпретации, попытке рассмотрения которой

на материалах предметного комплекса головных уборов, происходящего из погребальных памятников населения Верхнего Приобья, посвящена предлагаемая работа.

Традиционно, исходя из примерно одинакового контекста расположения данной группы находок в погребальных комплексах около костей черепа погребенных, учитывая массу прямых и косвенных аналогий, они единодушно «функционально» интерпретируются исследователями как украшения головных уборов. В данном ракурсе необходимо отметить, что по способу своего внешнего представления они все-таки несколько отличаются друг от друга: изображения из Обьездного-1 и Милованово-8 – профильные и плоские, в то время как из Новотроицкого-2 – объемное, скульптурное (рис. 1).

Рис. 1. Места обнаружения золотых изображений горных козлов, украшавших головные уборы, на территории Верхнеобского бассейна

Подобное деление может быть объяснено общей традицией декора одежды объемными и плоскими предметами [34]. Для создания объемной аппликации могли использоваться пронизки, бусины и статуэтки, а для плоскостной – фольга, пластинки и бляшки. В ансамбле одного головного убора, как и любой другой категории одежды, могли использоваться оба варианта аппликации. Зафиксировано два способа крепления элементов декора к поверхности оголовья уборов: пришивание и приклеивание. При этом объемные элементы пришивались, а плоскостные и пришивались, и приклеивались. Наибольшую близость среди изображений горных козлов с головных уборов между собой являют профильные плоскостные аппликации из золотой фольги, происходящие из Обьездного-1 и Байгетобе [12. С. 54].

Как мне представляется, золотые изображения горных козлов с утилитарной точки зрения – довольно

непрактичные украшения для головных уборов, их невозможно без риска повреждения постоянно использовать в повседневной жизни. Фигурка из Новотроицкого-2, несмотря на свои небольшие габариты, объемна и весит порядка 70 г, что создавало определенные неудобства при ее ношении на голове (рис. 2). Золотая фольга, из которой изготовлены плоскостные аппликации из Обьездного-1, Милованово-8 и рога новотроицкой скульптурки, довольно плотная, но она вряд ли способна выдержать ежедневную эксплуатацию без механических повреждений.

Никакой утилитарно-практической функции подобного рода украшения не имеют, скорее всего, либо они нашивались на специальные «церемониальные / праздничные» уборы (подлинно значимые вещи), либо ими декорировались повседневные уборы в момент, близкий к погребению, для придачи им «церемониального / праздничного» статуса (имитация / бутафория).

Рис. 2. Золотая фигурка горного козла кургана 15 могилы 3 некрополя из Новотроицкое-2

Характер изображения горных козлов, украшавших головной убор из Обьездного-1, по мнению А.П. Бородовского, отражает динамику их быстрого перемещения по скальной поверхности [30. С. 236]. Примечательно, что в таком случае общая схема расположения бляшек на головном уборе была асимметрична. Фигурка из Новотроицкого-2 при ближайшем рассмотрении тоже несколько ассиметрична, что может быть объяснено особенностями ее сборки или общей морфологией прототипа. Примечателен факт использования

рельефности (гофрирования), внешне сходной с морфологией годовых наростов горных козлов, в украшении иных элементов головного убранства большереженцев – заколок, подвесок к серьгам, золотой фольги (что, вероятно, может отражать известный принцип *pars pro toto*).

Скорее всего, особое значение имел и цветовой код, создаваемый восприятием золотых горных козлов на головном уборе, который, как считает ряд исследователей, мог быть красного цвета [12. С. 54; 21. С. 48; 23.

Рис. 9, 63. С. 88. Табл. 5]. Впрочем, золото вполне эффектно и контрастно смотрится даже на обыкновенном войлоке.

Варианты самого головного убора, на который крепились рассматриваемые изображения, могли быть различными (к сожалению, в памятниках Верхнего Приобья органика практически не сохраняется), но в основном его воспроизводят как конической формы и с завязками. Здесь важно, что поза двигающегося или

замершего животного на головном уборе могла соотноситься с его функциональным предназначением или назначением его отдельных элементов. Изображения скачущих горных козлов на оголовье убора из Обьездного-1 соотносятся с декоративной сценой с оголовья кулаха из кургана Иссык [23. С. 14. Рис. 5, С. 16. Рис. 7. С. 26. Табл. 22, С. 47. Рис. 63; 35. С. 40], а фигурка из Новотроицкого-2 могла украшать неподвижный шпиль убора по аналогии с другими навершиями (Рис. 3, 1–2).

Рис. 3. Реконструкция вариантов расположения золотых изображений горных козлов на головных уборах различного фасона: 1–3 – по материалам могильника Новотроицкое-2; 4 – по материалам могильника Обьездное-1

Согласно реконструкции А.И. Соловьева, подобная статуэтка крепилась на оголовье конического убора [36. С. 6]. Однако, учитывая, что зачастую изображения горных козлов использовались для украшения наверший различных предметов (ножи, кинжалы, чеканы, алтарики), и объекты петроглифической традиции, как правило, представлены на возвышенностях, а головной убор в мировоззрении древних кочевников символически, вероятно, делился на несколько зон [37. С. 11, 14; 38. С. 80–81, 339], можно допустить расположение фигурки на наголовьи убора иного фасона (рис. 3, 3). Кроме того, надо учитывать, что фигурка из Новотроицкого-2 выявлена на перекрытии погребальной камеры, т.е. вне контекста относительно скелета. Возможно, козлик изначально располагался не на головном уборе, надетом на погребенного и впоследствии потре-

воженном грабителями, а на дополнительном (сопровождающем), который по аналогии с пазырыкскими материалами мог иметь вид «подшлемника» (сферический с завязками, без назатыльника) [24. Рис. 2.59, а].

Безусловно, важным фактором интерпретации золотых изображений является элемент отражения в них объектов реального мира. Определению видовой принадлежности рассматриваемой группы находок посвящена особая работа А.П. Бородавского [30]. Автор изображенные животные интерпретированы как *тау-теке*, горные козлы, анализ образа которых должен учитывать вариативность возможных суждений о соответствии и несоответствии ареала их распространения с местами находок престижной металлопластики [Там же. С. 235]. Однако, несмотря на это, необходимо признать, что фигурки золотых козлов вписы-

ваются в общие традиции не совсем натуралистического скифо-сибирского звериного стиля.

Семантическая нагрузка изображений горных козлов зачастую рассматривается исследователями как некий маркер сакрального «верха» (вероятно, потому что в основном они представлены на различных навершиях и петроглифах). В данном отношении одной из наиболее проработанных интерпретаций является ассоциативное отождествление головного убора с «мировой горой» [23. С. 46], а украшающих его золотых изображений горных козлов – с животными в характерных позах на ее склонах (в профиль) и на вершине (объемно) [30. С. 238]. Также тут может наблюдаться отмеченное Д.В. Черемисиным явление наложения образа одного животного на другого [32. С. 204–206], как, например, на воинских шлемах пазырыкцев, увенчанных скульптурным изображением головы птицы [39].

Восприятие горного козла как животного, связанного с «верхом», отражено в ряде работ с широким тематическим охватом. Е.В. Антоновой отмечено, что рога в знаковой системе древних земледельцев Переднего Востока имели значение «верхнего мира» и неба [40. С. 82–93]; солярная семантика горного козла в искусстве саков Казахстана обозначена А. Акишевым [37. С. 11, 14]; связь образа козла с представлениями о хварно (фарне) на сибирских материалах рассмотрена А.П. Бородовским [41].

Традиционно принято привлекать корпус имеющихся древних индоевропейских текстов к интерпретации костюма бесписьменных скифоидных культур, несмотря на значительную сомнительность возможных аналогий. В качестве примера можно привести находки так называемых «золотых людей», конические головные уборы которых интерпретируются как символ, связанный с митраизмом [23. С. 40–53; 25. С. 67–86; 42; 43]. В то же время золотые облачения носит ряд положительных и отрицательных божеств Ригведы и Авесты, в их числе Индра, Рудра, Маруты, Ардвиз Сура и Вайу [44, 45]; о возможности продолжать список подобных аналогий красноречиво свидетельствует Б.А. Литвинский [42].

Недавно А.В. Вертиенко предложила «пересмотреть» концепцию интерпретации золота, происходящего из погребальных комплексов кочевников эпохи раннего железа. Ссылаясь на результаты лексико-статистического анализа Авесты, исследователь указала на количественное превосходство упоминаний, связанных с золотом и покрытой золотом одежды применительно к божеству Вайу над остальными персонажами (в числе прочего к нему применены эпитеты «злато-шапочный», «злато-одетый» и т.п.) [45]. Связывается образ Вайу с хварно (благодатью), героями, смертью и плодородием [Там же. С. 116]. Амбивалентность Вайу свойственна и дуальной природе образа горного козла (нельзя при этом не отметить обилие в мировой мифологии массы козлорогих персонажей, связанных со смертью и плодородием), на связь которого с репродуктивными культами указывали Д.В. Черемисин и А.П. Бородовский [32; 41. С. 135].

Спокойно стоящий козел, вззирающий с вершины горы (или навершия кого-либо предмета), содержит

в себе идею диалектической непостоянности, нестабильности, изменчивости как природы, так и жизни кочевого общества. Недаром позиция козла новотроичкой фигурки определялась автором находки, А.П. Уманским, как «настороженная» [46. С. 253].

Видимо, данный дуализм запечатлен и в других сюжетах металлопластики, выполненной в скифо-сибирском зверином стиле. Сцены терзания горных козлов различными хищниками (кошачьими, грифонами) могли представлять абстрактные сюжеты непрекращающейся борьбы добра и зла, жизни и смерти [47. С. 10]. При этом образ грифона также присутствует на головных уборах носителей культур скифо-сибирского мира (Шикаевский могильник [48. Рис. 1–3], Ханкаринский дол [49. Рис. 13], Второй Пазырыкский курган [39. Табл. 1, 5]).

Проблема в том, что приведенные выше аргументы мифологической интерпретации могут быть применены для описания образа не только горного козла, но и, к примеру, того же грифона. Е.С. Богдановым справедливо отмечено, что при попытках реконструкции и интерпретации сюжетов, запечатленных в объектах искусства, необходимо выявлять и отделять общечеловеческие представления от данных конкретной эпохи и региона [47. С. 8–9]. В данном отношении необходимо указать на отмеченный исследователями интеграционный характер большереченских памятников, сочетающих в себе индоевропейские и самодийские элементы [1. С. 71–78; 22. С. 102–109; 50]. Многокомпонентность населения, данной общности, засвидетельствована материалами антропологических исследований [51; 52. С. 196], сильная роль европеоидного компонента, связанного с Передней и Центральной Азией, на территории Южной Сибири и в составе пазырыкской культуры в частности подробно охарактеризована Н.В. Полосьмак и Т.А. Чикишевой [53], древний индоевропейский пласт зафиксирован в южно-сибирской топонимике [54].

К сожалению, нет более прямых свидетельств об этнической и языковой принадлежности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа (оно не имело письменности), поэтому любые приводимые параллели с авестийскими и ведическими сюжетами в известной степени условны. Невозможно достоверно определить круг идеологических взглядов большереченцев без их самих, но так или иначе золотые изображения горных козлов оказывались в погребальных комплексах, а значит, они каким-то образом соответствовали их представлениям о стиле, красоте, эстетике и требованиям ритуала.

Я считаю, что золотые изображения горных козлов могут интерпретироваться в контексте явлений событийной (ситуационной) сакрализации предметного комплекса одежды как вещи, наделенные высоким знаково-символическим и эстетическим подтекстом. В пользу подобной интерпретации свидетельствуют: семантическая нагрузка золота как металла, связанного с идеей бессмертия (универсальная концепция, их вероятная функция); выбор горного козла, ловкого животного, перемещающегося по горе вверх-вниз (своего рода медиатора), как основного сюжетного эле-

мента и манера его изображения (технология изготовления); использование данного образа, воплощенного в золоте, для оформления одежды, изготовленной из шерсти (их сырьевая основа, материал).

Специфической чертой предметного комплекса одежды населения большереченской культурно-исторической общности, по сравнению с другими областями скифо-сибирского культурного ареала, является его избирательность и фрагментарность, обусловленная территориальной периферийностью рассматриваемого региона и поликультурностью его населения [55. С. 19]. В связи с этим фрагментарно представленными в мировоззрении большереченцев могут оказаться и отраженные в золотых изображениях горных козлов идеологические сюжеты, лишь в общей форме передающие отголоски индоевропейских религиозных представлений. В данном отношении примечательно, что эталонный источник по реконструкции головных уборов региона – исыкский кулах – характеризуется симметричным расположением элементов декора [23. С. 40–53], в отличие от асимметрично исполненных фигуры из Новотроицкого-2 и аппликации из Обьездного-1. Работами П.К. Дашковского установлено, что мировоззрение кочевых народов Саяно-Алтая поздней древности и раннего Средневековья носило синкретичный характер, отражалось в различных элементах погребально-поминальной обрядности и предметах материальной культуры. При этом с I тыс. до н.э. отмечается наличие иранского религиозного комплекса в мировоззрении кочевников скифо-сакского периода [56. С. 27–28]. Явления данного порядка, вероятно, и маркируют золотые изображения горных козлов на головных уборах населения Верхнего Приобья.

Данный комплекс представлений вписывается в общую концепцию символизма погребального обряда большереченской культурно-исторической общности [57. С. 351–352], в памятниках которой встречены фрагменты одежды [58], изготовленные из овечьей шерсти (дикий горный козел мог восприниматься и как абстрактный покровитель стад, так как свободолюбивые животные в представлении кочевников всегда обладают определенным почетом), пряслица с солярным [59] и сосуды с шовным орнаментом, имитирующим кожаные и роговые изделия [60], украшения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле.

Находки золотых изображений горных козлов на памятниках Верхнего Приобья сделаны в многомогильных курганах, содержащих в себе разновременные, разнополые и разновозрастные одиночные и групповые захоронения, что, по мнению В.А. Алекшина, может свидетельствовать о существовании в среде изучаемого населения большой родовой семьи и о начавшемся процессе формирования элиты [61. С. 153–154, 159]. Осуществив социальный анализ погребальных памятников Верхнего Приобья эпохи раннего железа, к схо-

жим выводам пришла Н.П. Матвеева, выделив две группы в структуре оставившего их населения – знать и рядовые общинники [57. С. 240–255]. Наличие золотых украшений соотнесено исследователем с комплексами элиты, головной убор которой являлся основным показателем ее статуса [Там же. С. 349–350, 354].

Подводя итог, необходимо отметить, что для культур Южной Сибири I тыс. до н.э. в отличие от других, более западных [62. С. 46], территорий образ горного козла является одним из наиболее типичных. На территории Верхнего Приобья он выражен в различных проявлениях, что отражает интенсивные коммуникационные связи данного периферийного региона с сопредельными территориями. Особенное значение в этом отношении имеют и свидетельства опосредованного знакомства местного населения с техникой изготовления роговой посуды, передаваемой орнаментацией на керамических сосудах [60. С. 123; 63. С. 155. Рис. 187].

В целом для предметного комплекса аппликаций головных уборов большереченской культурно-исторической общности прослеживается следующая динамика развития: от металлических бляшек к развитой системе узора плоскостной аппликации из золотой фольги, от бус и пронизок к усложненной объемной аппликации в виде золотых изображений горных козлов, от реалистичных изображений животных к схематическим (включая отдельные фрагменты – рога или узор в форме их годовых наростов) [55. С. 16–17; 64]. В данном отношении обшивка повседневного головного убора золотыми изделиями отражала его ситуационный (праздничный / обрядовый) идеологический статус.

Погребальный обряд, характеризующийся публичностью, предъявляет особые требования к атрибутике, присутствующей в ходе ритуала, которая должна удовлетворять эстетическим потребностям (стилю) отправляющего его коллектива (соответственно, она могла отбираться единично и ситуативно). В данном контексте золотые изображения горных козлов с головных уборов из Милованово-8, Обьездного-1 и Новотроицкого-2, скорее всего, могут интерпретироваться как своего рода знаки высокого социального положения семей умерших. В условиях различных коммуникационных сношений с сопредельными обществами материальные ценности, в том числе и ювелирные поделки, оседали в руках местной знати, попадали в их погребальные комплексы, показывая влияние рода. Статус рода должен был постоянно подтверждаться (тем более во время погребальной церемонии) наличием в предметном комплексе одежды его представителей несущей идеологическую нагрузку символикой, необходимыми для украшения знатного кочевника вещами, к числу которых и относились головные уборы с золотыми изображениями горных козлов.

Список источников

1. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.
2. Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 78–84.
3. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. 238 с.

4. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев, В.А. Дергачев, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, Г. Кук, Й. Ван дер Плихт, Г. Поснерт, А.А. Семенцов, Е.М. Скотт, К.В. Чугунов. СПб. : Теза, 2005. 290 с.
5. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. М. : Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР).
6. Чугунов К.В., Паршингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
7. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 298 с.
8. Тасмагамбетов И.Н. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы : Берель, 2003. 366 с.
9. Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб. : ЭлектСис, 2012. 180 с.
10. Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. 190 с.
11. Бородавский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск : Апостроф, 2013. 120 с.
12. Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы : ИП Садуакасов А.К., 2018. 518 с.
13. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1983. 190 с.
14. Мартынов А.И. Тусульские курганы тагарской культуры. Кемерово, 1972. 315 с. (Известия Лаборатории археологических исследований; вып. 4).
15. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–134.
16. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
17. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.
18. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.
19. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. : (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. 238 с.
20. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л. : Наука, 1953. 402 с.
21. Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана : опыт научной реставрации. Алматы : Остров Крым, 2014. 360 с.
22. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М. : Наука, 1997. 195 с.
23. Акишев А.К. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 130 с.
24. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
25. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.
26. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
27. Çugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Mainz : Verl. Philipp von Zabern, 2010. 330 S.
28. Телегин А.Н. Шестой год раскопок курганной группы Обьездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Археология, этнография, устная история. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 77–80.
29. Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М. : Наука, 1976. 39 с.
30. Бородавский А.П. Золотые изображения горных козлов эпохи раннего железа Южной Сибири // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 231–239.
31. Переводчикова Е.В. О некоторых предметах из золотой фольги в скифском зверином стиле восточных областей Евразии // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию юбилею Б.А. Раева. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2016. С. 185–189.
32. Черемисин Д.В. К семантике «рогатых лошадей» пазырыкских курганов // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия : сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.В. Киселёва, г. Минусинск. Красноярск : КГУ, 2005. С. 204–206.
33. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.
34. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Аппликации головных уборов населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (классификация и семантика) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. С. 305–308.
35. Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей: Иссык, Берел, Чиликты, Аралтобе. Алматы : Берел, 2004. 176 с.
36. Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск : ИНФОЛИО-Пресс, 2003. 222 с.
37. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 174 с.
38. Раевский Д.С. Мир скифской культуры / предисл. В.Я. Петрухин, В.Н. Погребова. М. : Языки славянских культур, 2006. 600 с.
39. Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1998. С. 148–151.
40. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М. : Наука, 1984. 266 с.
41. Бородавский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 135–140.
42. Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 34–43.
43. Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / под ред. А.И. Мартынова, В.И. Молодина. Новосибирск : Наука, 1987. С. 25–31.
44. Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригvedы // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 111–115.
45. Вертиенко А.В. Золото в погребениях кочевников раннего железного века: к пересмотру концепции // Вещь в контексте погребального обряда. М. : Изд-во РГГУ, 2020. С. 115–126.
46. Демин М.А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 404 с.
47. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 240 с.
48. Потемкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. Вып. 1. С. 112–120.
49. Дашковский П.К., Усова И.А. Реконструкция женского головного убора из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 125–129.
50. Бородавский А.П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 94–102.
51. Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 294 с.
52. Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 2017. 408 с.
53. Полосьмак Н.В., Чижишева Т.А. Пазырыкская культура в свете миграционных процессов в древности // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты : материалы V Междунар. симпозиума. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН 2019. С. 83–86.

54. Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М. : Наука, 1964. С. 14–19.
55. Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 25 с.
56. Дашковский П.К. Некоторые итоги изучения эволюции религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии // Религиоведение. 2018. № 4. С. 26–36.
57. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон) : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. Тюмень, 1998. 823 с.
58. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, Филология. 2015. Т. 14, № 7. С. 30–37.
59. Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 100–106.
60. Бороодовский А.П. Проблемы возникновения керамики, имитирующей кожаную утварь (по материалам Верхнего Приобья в раннем железном веке) // Древняя керамика Сибири – типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, 1990. С. 122–130.
61. Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л. : Наука, 1986. 194 с.
62. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
63. Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.
64. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение // Древности Алтая и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2012. С. 70–72.

References

1. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolshaya Rechka culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka.
2. Dashkovskiy, P.K. & Usova, I.A. (2011) Pazyryk Burial at Khankarinsky Dol in the Northwestern Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 78–84. (In Russian).
3. Shulga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogilnikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai State University.
4. Alekseev, A.Yu., Bokovenko, N.A., Vasiliev, S.S., Dergachev, V.A., Zaytseva, G.I., Kovalyukh, N.N., Cook, G., Van der Plicht, J., Possnert, G., Sementsov, A.A., Scott, E.M. & Chugunov, K.V. (2005) *Evraziya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in the Scythian era. The radiocarbon and archaeological chronology]. St. Petersburg: Teza.
5. Moshkova, M.G. (ed.) (1992) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka.
6. Chugunov, K.V., Partsinger, G. & Nagler, A. (2017) *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The royal barrow of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Chlenova, N.L. (1967) *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury* [Origin and early history of the tribes of the Tagar culture]. Moscow: Nauka.
8. Tasmagambetov, I.N. (2003) *Kentavry Velikoy stepi. Khudozhestvennaya kul'tura drevnikh kochevnikov* [Centaurs of the Great Steppe. Artistic Culture of Ancient Nomads]. Almaty: Berel'.
9. Savinov, D.G. (2012) *Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.)* [Monuments of the Tagar culture of the Mogilnaya steppe (based on the results of archaeological research in 1986–1989)]. St. Petersburg: ElekSis.
10. Pletneva, L.M. (2012) *Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya* [Items of the Scythian-Siberian animal style from the Tomsk Ob region]. Tomsk: TSPU.
11. Borodovskiy, A.P. & Larichev, V.E. (2013) *Iyusskiy klad (katalog kollektsii)* [The Iyusky treasure (collection catalogue)]. Novosibirsk: Apostrof.
12. Toleubaev, A.T. (2018) *Rannesakskaya shiliktinskaya kul'tura* [Early Saka Shilikta culture]. Almaty: Sadvakasov A.K.
13. Zavitukhina, M.P. (1983) *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoy kollektsii* [Ancient art on the Yenisei. Scythian time. Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo.
14. Martynov, A.I. (1972) *Tusul'skie kurgany tagarskoy kul'tury* [Tusul burial mounds of the Tagar culture]. Kemerovo: [s.n.].
15. Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (1996) *Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleyka-2 (Staroaleyka-2 early Iron Age burial ground)*. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral Rite of the Altai Ancient Tribes]. Barnaul: AltSU. pp. 115–134.
16. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Moscow State University.
17. Kubarev, V.D. (1987) *Kurgany Ulandryka* [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka.
18. Frolov, Ya.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [The funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the 6th century BC – 2nd century AD (according to the data of ground burials)]. Barnaul: Azbuka.
19. Shulga, P.I. (2010) *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e.: (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in the 8th – 3rd centuries BC. (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: AltSU.
20. Rudenko, S.I. (1953) *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the Gorny Altai population in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: Nauka.
21. Altynbekov, K. (2014) *Vozrozhdennye sokrovishcha Kazakhstana: opyt nauchnoy restavratsii* [Revived treasures of Kazakhstan: A scientific restoration]. Almaty: Ostrov Krym.
22. Mogilnikov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e.* [The population of the Upper Ob region in the middle – the second half of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka.
23. Akishev, A.K. (1978) *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Kurgan Issyk. Art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo.
24. Polosmak, N.V. & Barkova, L.L. (2005) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and textiles of the Pazyryks of Altai (4th–3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO.
25. Shulga, P.I. (2003) *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Scythian burial ground Lokot'-4a]. Barnaul: AltSU.
26. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [Riders of Ukok]. Novosibirsk: Infolio-press.
27. Chugunov, K., Parzinger, H. & Nagler, A. (2010) *Der skythenzeitliche Fürstengraban Arzan 2 in Tuva*. Mainz: Verl. Philipp von Zabern.
28. Telegin, A.N. (2005) *Shestoy god raskopok kurgannoy gruppy Ob'ezdnoe-1* [The sixth year of excavations of the Obezdnoe-1 mound group]. In: *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in the Upper Ob and Altai. Archeology, Ethnography, Oral History]. Barnaul: BSPU. pp. 77–80.
29. Devlet, M.A. (1976) *Bol'shaya Boyarskaya pisanitsa* [Great Boyar Pisanitsa]. Moscow: Nauka.

30. Borodovskiy, A.P. (2016) Zolotye izobrazheniya gornyykh kozlov epokhi rannego zheleza Yuzhnoy Sibiri [Golden images of mountain goats of the Early Iron Age of Southern Siberia]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* [Altai in the Circle of Eurasian Antiquities]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 231–239.
31. Perevodchikova, E.V. (2016) O nekotorykh predmetakh iz zolotoy fol'gi v skifskom zverinom stile vostochnyykh oblastey Evrazii [On some objects made of gold foil in the Scythian animal style of the eastern regions of Eurasia]. In: *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona* [Antique civilization and the barbarian world of the Ponto-Caspian region]. Proc. of the Conference. Rostov on Don: YuNTs RAS. pp. 185–189.
32. Cheremisin, D.V. (2005) K semantike “rogatykh loshadey” pazyrykskikh kurganov [On the semantics of the “horned horses” of the Pazyryk burial mounds]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya* [Archeology of Southern Siberia: Ideas, Methods, Discoveries]. Krasnoyarsk: KSU. pp. 204–206.
33. Kubarev, V.D. (2010) *Petroglify Kalbak-Tasha I (Rossiyskiy Altay)* [Petroglyphs of Kalbak-Tash I (Russian Altai)]. Novosibirsk: SB RAS.
34. Golovchenko, N.N. & Telegin, A.N. (2015) Applikatsii golovnykh uborov naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza (klassifikatsiya i semantika) [Applications of Early Iron Age headdresses of the Upper Ob population (classification and semantics)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnyykh issledovaniy* [Archeology of Western Siberia and Altai: An Interdisciplinary Research]. Barnaul: AltSU. pp. 305–308.
35. Samashev, Z., Toleubaev, A. & Dzhumabekova, G. (2004) *Sokrovishcha stepnykh vozhdov: Issyk, Berel, Chilikty, Araltobe* [Treasures of the steppe leaders: Issyk, Berel, Chilikty, Araltobe]. Almaty: Berel.
36. Soloviev, A.I. (2003) *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and Armor. Siberian Weapons from the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk: INFOLIO-Press.
37. Akishev, A.K. (1984) *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and Mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka.
38. Raevskiy, D.S. (2006) *Mir skifskoy kul'tury* [World of Scythian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
39. Polosmak, N.V. (1998) Voinskie shlemy pazyryktsev [Military helmets of the Pazyryks]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: AltSU. pp. 148–151.
40. Antonova, E.V. (1984) *Ocherki kul'tury drevnikh zemledeltsev Peredney i Sredney Azii* [Essays on the Culture of Ancient Farmers of Western and Central Asia]. Moscow: Nauka.
41. Borodovskiy, A.P. (2004) Farn skifskogo vremeni v Sibiri i osobennosti izobrazheniya roga [Farn of the Scythian time in Siberia and features of the image of the horn]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 135–140.
42. Litvinskiy, B.A. (1982) “Zolotye lyudi” v drevnikh pogrebeniyakh Tsentral'noy Azii (opyt istolkovaniya v svete istorii religii) [“Golden people” in the ancient burials of Central Asia (experiment of interpretation in the light of the history of religion)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 34–43.
43. Lelekov, L.A. (1987) O simbolizme pogrebal'nykh oblacheniy (“zolotye lyudi” skifo-sakskogo mira) [On the symbolism of funeral vestments (“golden people” of the Scythian-Saka world)]. In: Martynov, A.I. & Molodin, V.I. (eds) *Skifo-sibirskiy mir. Iskusstvo i ideologiya* [Scytho-Siberian World. Art and Ideology]. Novosibirsk: Nauka. pp. 25–31.
44. Golovchenko, N.N. (2015) The search for parallels to the object complex of clothing of the population of the Upper Ob region of the Early Iron Age in the hymns of the Rig Veda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 111–115. (In Russian).
45. Vertienko, A.V. (2020) Zoloto v pogrebeniyakh kochevnikov rannego zheleznoogo veka: k peresmotru kontseptsii [Gold in the burials of the nomads of the early Iron Age: towards a revision of the concept]. In: *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada* [Thing in the Context of the Funeral Rite]. Moscow: RSUH. pp. 115–126.
46. Demin, M.A. (2018) *Aleksey Pavlovich Umanskiy: put' v nauku* [Alexey Pavlovich Umansky: The path to science]. Barnaul: AltSU.
47. Bogdanov, E.S. (2006) *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya)* [The image of a predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk: SB RAS.
48. Potemkina, T.M. (2005) Golovnoy ubor sargatskoy zhritsy (po materialam Shikaevskogo kurgana) [Headdress of a Sargat priestess (based on the materials of the Shikaevsky kurgan)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 1. pp. 112–120.
49. Dashkovskiy, P.K. & Usova, I.A. (2009) Rekonstruktsiya zhenskogo golovnogo ubora iz mogil'nika pazyrykskoy kul'tury Khankarinskiy dol [Reconstruction of a female headdress from the Khankarinsky Dol burial ground of the Pazyryk culture]. *Sotsiogenez v Severnoy Azii* [Sociogenesis in North Asia]. Proc. of the Conference. Irkutsk: IrSTU. pp. 125–129.
50. Borodovskiy, A.P. (2016) Polyculturalism of the Early Iron Age in the forest steppe Ob region according to the Bystrovka Necropolis materials. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(13). pp. 94–102. (In Russian).
51. Rykun, M.P. (2005) *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ya v epokhu rannego zheleza (po dannym kraniologii)* [Paleoanthropology of the Upper Ob region in the Early Iron Age (according to craniology)]. History Cand. Diss. Barnaul.
52. Bagashev, A.N. (2017) *Antropologiya Zapadnoy Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
53. Polosmak, N.V. & Chikisheva, T.A. (2019) Pazyrykskaya kul'tura v svete migratsionnykh protsessov v drevnosti [The Pazyryk culture in the light of migration processes in antiquity]. In: *Mobil'nost' i migratsiya: kontseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results]. Proc. of the Fifth Symposium. Novosibirsk: SB RAS. pp. 83–86.
54. Dulzon, A.P. (1964) Drevnie toponimy Yuzhnoy Sibiri indoevropskogo proiskhozhdeniya [Ancient toponyms of Southern Siberia of Indo-European origin]. In: Bondaruk, G.P. (ed.) *Toponimika Vostoka. Novye issledovaniya* [Toponymy of the East. New Research]. Moscow: Nauka, 1964. S. 14–19.
55. Golovchenko, N.N. (2019) *Predmetnyy kompleks odezhdy naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza* [Subject complex of clothing of the Upper Ob basin population in the Early Iron Age]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
56. Dashkovskiy, P.K. (2018) Nekotorye itogi izucheniya evolyutsii religioznogo landshafta Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noy Azii [Some results of the study of the evolution of the religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. *Religiovedenie*. 4. pp. 26–36.
57. Matveeva, N.P. (1998) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri (ranniy zheleznyy vek lesostepnoy i podtaezhnoy zon)* [Socio-economic structures of the ancient population of Western Siberia (the early Iron Age of the forest-steppe and subtaiga zones)]. History Dr. Diss. Tyumen.
58. Golovchenko, N.N. (2015) Rezul'taty predvaritel'nogo tekhniko-tehnologicheskogo analiza obraztsov tkani iz nekropolya Novotroitskoe-1 (Verkhnee Priob'e) [Results of a preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the Novotroitskoye-1 necropolis (Upper Ob)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, Filologiya*. 14(7). pp. 30–37.
59. Golovchenko, N.N. (2016) “The spindle whorl and the knife were united in their hands”, or Some questions of the cult interpretation of the whorls of the population of the Upper Ob region of the Early Iron Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 100–106. (In Russian).
60. Borodovskiy, A.P. (1990) Problemy vozniknoveniya keramiki, imitiruyushchey kozhanuyu utvar' (po materialam Verkhnego Priob'ya v rannem zheleznom veku) [Problems of the origin of ceramics imitating leather utensils (based on materials from the Upper Ob region in the early Iron Age)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnyaya keramika Sibiri – tipologiya, tekhnologiya, semantika* [Ancient ceramics of Siberia – typology, technology, semantics]. Novosibirsk: Nauka. pp. 122–130.

61. Alekshin, V.A. (1986) *Sotsial'naya struktura i pogrebal'nyy obryad drevnezemledel'cheskikh obshchestv* [Social structure and funeral rites of ancient agricultural societies]. Leningrad: Nauka.
62. Korolkova, E.F. (2006) *Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinadlezhnosti* [The animal style of Eurasia. The tribal art in the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian era (7th – 4th centuries BC). Problems of style and ethno-cultural affiliation]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
63. Molodin, V.I., Polosmak, N.V., Chikisheva, T.A. et al. (2000) *Fenomen altayskikh mumiy* [The phenomenon of Altai mummies]. Novosibirsk: SB RAS.
64. Golovchenko, N.N. & Telegin, A.N. (2012) *Kozhanye i voylochnye golovnye ubory nositeley arkhologicheskikh kul'tur skifo-sakskogo mira: morfologiya i naznachenie* [Leather and felt headdresses of the carriers of the archaeological cultures of the Scythian-Saka world: The morphology and purpose]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Altai and Tsentral Asia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 70–72.

Сведения об авторе:

Головченко Николай Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golovchenko Nikolay N. – Candidate of Historical Sciences, senior researcher of UNIL «Historical Local Lore» of the Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2020; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 31.05.2020; accepted for publication 11.11.2022